

Кобылинский, Батюшков, Метнер – не старшие; первым из старших внезапно и бурно примкнул к нам Григорий Алексеевич Рачинский, заведясь сразу же на всех тропах; каким вбежал, таким и дымил.

О Рачинском стал слышать с 901 года; а в 902 он уж вот – в дымках рядом; не помню, когда стал бывать у него и когда стал врываться ко мне он: журить, покровительствовать¹⁸⁰.

Он – строитель моста к нам: из стана "старцев"; трубач, стягоносец и бард, он приходит – со стягом враждебного лагеря, с длинной трубой: трубить, веять стягом; отвеявши и оттрубив, трубит, веет "старцам", среди Трубецких и Огневых впервые поднялся глухой, защищающий меня голос; у нас он твердил: надо-де понимать и Лопатина; "им" он меня разъяснял; мне развертывал взгляды о Логосе: по Трубецкому; в прекрасном усилении сделать понятными нас, молодежь, старикам, он "их" обегал с Белым, с Блоком в руках; а нас обегал он с Новалисом, с Гете и с Пушкиным.

Г. А. Рачинский – двоюродный брат С. А. Рачинского, профессора ботаники, ставшего сельским учителем в селе Татеве, корреспондента Толстого¹⁸¹ и – скольких; художник Богданов-Вельский изобразил его в рое мальчат. С юных лет эрудит, вытвердивший наизусть мировую поэзию, перелиставший философов, всяких Гарнаков, Г. А. – энциклопедия по истории христианства, поражающая нас отсутствием церковного привкуса; нам казалось, то, что именует он мировоззрением, – энциклопедия, а что считает досугом – канон его.

Жил он – в центре¹⁸², в крошечной квартирушке, набитой книгами и украшенной, как бомбоньерочка, вышивками из Абрамцева; скучающе поднимался на верхний этаж: отбыть службу, о которой он не любил говорить, живя связями с рядом ученых обществ; казалось странным, что яркий эрудит – не профессор; отбывал служебную повинность ради хлеба, освобождал себя от повинности: подпирать устои; в рое профессоров Г. А. Рачинский мелькал яркостью стремлений и жестов с подергом, являя контраст с седоватой бородкой, с профессорскими золотыми очками.

Жена – рожденная Мамонтова;¹⁸³ Г. А. плавал в стихии искусств: старик Поленов, собиратель картин Остроухов, Серов – друзья дома Рачинских: Г. А. был культурой

"Мира искусства" – до "Мира искусства", вынашивая платонически лозунги Абрамцева: с Якунчиковой, Серовым, Коровиным, Врубелем, но и великолепно разбираясь в классиках-итальянцах; поклонник Баха, Генделя, Глюка, понимал Скрябина, восторгался музыкой Метнера и д'Альгеймами.

Ходил по Москве парадоксом; староколенный москвич с "традициями" сороковых годов, рукоплескал всему смелому, уныривая из быта, с которым видимость створяла его; чтимый профессорами, им зашибал носы озорным духом. То, чем пленял нас, его умаляло в быту, где исконно вращался он; котировали его остроумцем; он импонировал фонтанами текстов: на всех языках.

Не ценили способности тонко вникать, понимать, а ценили – личину его, эрудицию, которая в нас вызывала протест, когда он наш жест, рвущий с компромиссами, утоплял в цитатах. Но архаичность Рачинского эквивалентна дерзости его приятия нас.

Э. К. Метнер явил подвиг бунта – из одиночества; а Рачинский являл давний надлом: перебой холерических взрывов и меланхолической мрачности; бунт его – по кривой рикошета; "служба", как фи́га: Янжулу; если последний – "талант", то Г. А. – "Гений" в сравнении с Янжулами.

Когда я или Эллис устраивали передраги, то он являлся журить; а по блеску очков было видно: доволен; недаром подчас, хватая за фалду Л. Л. Кобылинского, имел вид седого "Левы"; тот выдвигал "покой" желтого дома; этот жундел о "небесном покое", а строил Гоморры, скрываясь к "архиерею"; знали, что "архиерей" – погребок; и знали: Г. А. – устал, заработался.

А. С. Петровский его отвозил в санаторий: под Ригу.

Скучая в укладах, устраивал "кубари"; влек его Эллис, которого он честил; раз под речью П. д'Альгейма о музыке Гретри к мертвой лысине Эллиса он приложил воспаленное свое чело:

– "Тоска, – клубом дыма из рта: паф! – Тоска Кобылинского, Левки, с тоской – паф! – Рачинского, Гришки, сливаются – паф! – в мировую тоску".

"Седой Гриша" – его под шумок называл Кобылинский. Запой слов – из рыдающего трепетания, что он в лапах косматого быта; и мы понимали тоску этого порой обнаженного Ноя.

Рачинский, став другом, еще был немного отцом благодетелем: каждого из нашего кружка; помнится, как, положивши свою воспаленную руку ко мне на